

СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

В. КИРЮШКИН

И НАСТАЛ ЭТОТ ДЕНЬ

Пензенцы свято чтут память замечательного советского писателя Федора Васильевича Гладкова. Одна из улиц областного центра носит имя автора «Цемент» и «Энергии». В библиотеках проходят читательские конференции по произведениям нашего земляка. С интересом воспринимается все, что хоть малую толику добавляет к образу человека, который прошел путь «от чернавского парнишки до литератора, до звания профессора (не говоря о революционной дороге)».

И вот я узнаю о том, что в Пензе находится внучка писателя. Естественно желание повидаться с ней, что называется, из первых уст узнать что-то такое, чего, может быть, мы еще не знаем. Звоню по телефону, спрашиваю, когда Светлана Васильевна может принять меня.

— Хотя сейчас приходится, — говорит она.

Спешу в гостиницу «Пенза». Встречает меня среднего роста женщина, с очень мягкими чертами лица и задумчивыми глазами. Прежде всего спрашиваю:

— Были ли вы раньше в Пензе?

Светлана Васильевна качает головой:

— Впервые здесь. А так хотелось побывать на родине дедушки, походить по улицам, по которым ходил он, подышать воздухом, которым дышал он.

Прошу рассказать о семье Федора Васильевича. У писателя было два сына — Василий и Борис; трое внуков — сама Светлана Васильевна, окончившая филологический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и ныне являющаяся старшим редактором популярнейшего в нашей стране издания «Роман-газета», Федор Борисович,

офицер Советской Армии, и его младший брат Андрей, учащийся средней школы; три правнука — у Светланы Васильевны Татьяна учится в МГУ на биофаке, у Федора Борисовича Федя и Катя еще совсем маленькие.

Во времени нашей беседы Светлана Васильевна уже побывала в краеведческом музее. Ее поразило огромное количество фотографий деда, хранящихся здесь. Многие из них она видит впервые.

Спрашиваю, каким был Федор Васильевич в минуты отдыха, чем увлекался.

— Эта семья была по-русски хлебосольной. Часто за большим круглым столом, который возили, наверное, с квартиры на квартиру (Гладковы жили и в Старо-Конюшенном переулке, и на Смоленском бульваре, и на Большой Грузинской улице, пока окончательно не обосновались в Лаврушинском переулке, недалеко от Третьяковской галереи) — собиралось обычно много гостей. Дедушка был разговорчив, так и сыпал, так и сыпал шутками, притчами. Не ходил, а бегал. Очень живой, подвижный был.

— Кто наиболее запомнился вам из друзей деда?

— Добрые отношения у него были с К. Фединим. Ча-

сто приходил В. Бахметьев, автор интересного романа «Преступление Мартына». Многие годы дружил он с Г. Рошалем и Е. Вучетичем. А особенно запомнился брат Емельяна Ярославского, очень колоритный мужчина с пышными усами. В дружбе Гладков был постоянен, многие связи укрепились задолго до революции, когда он жил в Забайкалье, учительствовал и вел там революционную деятельность.

— Как относился Федор Васильевич к своим внукам?

— Наверное, так же, как и все дедушки. Как я теперь понимаю, он старался развить наши вкусы, пробудить в нас интерес к чтению. У него была хорошая библиотека. И я всегда рылась в книгах. Особенно привлекали наше внимание альбомы с репродукциями картин выдающихся художников. Часами прожигивала над иллюстрациями к книге Данте «Божественная комедия». Увлекательно рассказывал дедушка и о книгах, и о судьбе революционера Н. Морозова, просидевшего двадцать лет в Шлиссельбургской крепости.

Специально для детей Ф. В. Гладков не писал. Но, помню, бабушка, Татьяна Николаевна, как только перепечатает на машинке главу «Повесть о детстве», наиболее интересный кусок прочитывает нам, малышам.

В последние годы жизни дедушка стал менее общительным. Может быть, чувствовал, что мало осталось ему жить, а он хотел закончить «Мятежную юность» — завершающую часть «Повести о детстве», «Вольницы», «Лихой годины». Уезжая на дачу в Квасково, он по нескольку недель не появлялся на московской квартире. А болезнь все явственнее давала о себе знать.

— Вы едете в Чернавку. Представляете ли ее себе по рассказам деда?

— Смутно. Он писал: «И сейчас при воспоминании все заливается солнечным сиянием, а за полями зеленеют перелески... По обе стороны речки со снежно-белым песком на берегах круто поднимаются взгорья, а в обрывистых берегах, в камнях, звенят студеные роднички». Когда побываю в Чернавке, может быть,

звонит меня и это солнечное сияние, и студеные роднички. Дедушка часто вспоминал своих земляков, и я буду очень рада, если встречу кого-либо из старожил, которые помнят писателя.

На этом наша беседа со Светланой Васильевной Гладковой прервалась. Возобновились она через два дня, после поездки ее в Чернавку, что расположена в Лопатинском районе. Первыми ее словами были:

— Ой, я так рада, так рада! Во-первых, со мною ездила А. Н. Аристова. В тридцатые годы она работала в Чернавской школе и вела переписку с Гладковым. А во-вторых — это самое главное, — встретили меня очень хорошо, по-родственному. Показали место, где стоял дом в котором родился писатель, вспомнили прототипов выведенных в романах образов, сводили и на речушку, к тем перелескам, которые любил вспоминать писатель. Под конец нашей встречи у меня было такое чувство, будто и я родилась, выросла в этих местах. Лишь одно обстоятельство наводит на грусть. Чернавка включена в список «неперспективных» сел и стало быть, жить ей осталось недолго. Этой осенью закроют школу, ребятишки будут учиться в Ключах...

В заключение спрашиваю Светлану Васильевну:

— Какие у вас ближайшие планы?

— Хочу съездить в Астрахань, в те места, где некогда трудился дедушка на рыболовных промыслах. Может быть, загляну в Саратов, где в архивах должны храниться материалы о Ф. В. Гладкове. В свое время студенты Саратовского университета провели интересную экспедицию по сбору материалов о прототипах героев гладковских автобиографических произведений. Я надеюсь, что и Пензенский краеведческий музей, и областные газеты, радио и телевидение, готовясь к столетию со дня рождения писателя, найдут немало интересных материалов — забытых статей, писем, фотографий, которые займут достойное место в публикациях, передачах и экспозициях.